

Подготовка советских национальных педагогических кадров на примере курдов

Ко второй половине 1930-х гг. в СССР было сформулировано официальное определение национальности, где речь шла об этнических группах, имевших собственную национальную территорию и/или собственную письменность с собственным алфавитом и издательской деятельностью на данном языке, в связи с чем остро вставал вопрос о национальных педагогических кадрах. Этнографы проявляли особый интерес к изучению малоизвестных народов, особенно проживавших по обе стороны границы. К такой категории относились курды. Вопрос с подготовкой курдских педагогических кадров решался в Закавказье и в Ленинграде, который перенял от Петербурга дореволюционную востокведную и этнографическую школу.

Ключевые слова: курды, езиды, рабфак, национальные кадры, Армения, Азербайджан.

Понятие культурная революция включает в себя ряд мер, которые были предприняты для преобразования мышления как того требовала идеология нового, советского общества. Основными направлениями культурной революции стали ликвидация безграмотности населения, подтвержденной данными переписи населения 1919 г., создание прослойки интеллигенции среди крестьян и рабочих, образ которых теперь присутствовал в большей части литературных произведений, повествующих о периоде революции, социалистическом строе и патриотизме. Все это должно было привести к мобилизации масс, повысить их политический и культурный уровни и подготовить необходимые для страны с новой идеологией кадры.

Выстраивая первое в мире «пролетарское государство», большевики признавали национальные различия, которые должны были найти отражение в территориальной и институциональной организации. Но, несмотря на наличие огромного культурного, социального и исторического разнообразия, во многих регионах бывшей Российской империи национальные идентичности только начинали формироваться. Вследствие этого, достраивать с начала 1920-х гг. в спешном порядке эти идентичности, определять статус конкретных этносов в советском государстве, и соответственно размежевывать отдельные национальные общества встраивая их в советскую систему приходилось в процессе построения всего советского государства.

Одним из важнейших элементов национального строительства было формирование у этнических групп восточных и южных регионов СССР национальной идентичности путем пропаганды древнего наследия этих народов, а также трактовки их религиозных традиций как части их национальной идентичности. В отличие от европейской части страны, здесь зачастую речь шла о доиндустриальных обществах и осложнялась племенными и религиозными аспектами. В ре-

зультате серьезные изменения в отношении территориального устройства, статуса соответствующих народов в составе СССР (союзная республика, автономия и пр.) и культурной политики шли вплоть до 1940-х гг. И именно они остаются менее изученными по сравнению с более ранними этапами большевистской национальной политики.

Идеолог советского просвещения А.А. Богданов еще до революции 1917 г. отмечал, что даже в случае победы социалистической революции необразованный пролетариат не сможет удержать власть. Эту проблему должен был решить новый тип учебного заведения – Пролетарский университет, который должен был поддержать «классовый инстинкт» пролетариата, а одним из критериев для поступления должна была стать рабочая биография [1, с. 494]. Давление на «старые институты», доставшиеся от Российской империи, осуществлялось и сверху, так как изменение образовательных программ и методов преподавания и заполнение вузов рабочими и крестьянами становится в 1920-х гг. ключевым для Народного комиссариата по просвещению, и снизу – со стороны лояльного советской власти нового студенчества. Еще 2 августа 1918 г. была принята «Декларация о правилах приема в высшие учебные заведения», которая подчеркивала главный принцип советской педагогики т.е. связь школы с политикой [2] и предоставляла права поступления в вузы лицам любого уровня образования или даже вовсе без образования, и под лозунгом «завоевания высшей школы» началось массовое зачисление туда «рабочих от станка» [3, с. 55]. Декларация призывала к всеобщему равенству студентов, которые вне зависимости от пола, гражданства и наличия аттестата, могли быть зачисленными только по достижению 16-летнего возраста. Но отсутствие соответствующей подготовки не позволило «пролетариям хлынуть в высшую школу», как ожидалось и поэтому для того, чтобы сделать высшее образование фактически доступным для всех, были организованы рабочие факультеты. В Ленинграде первый из них был открыт в 1920 г. при Государственном университете [4, с. 109].

В том же году был открыт Центральный институт живых восточных языков (с 1922 г. – Петроградский институт живых восточных языков, ПИЖВЯ, с 1924 г. – Ленинградский институт живых восточных языков, ЛИЖВЯ, с 1927 г. до расформирования в 1938 г. – Ленинградский восточный институт, ЛВИ) – специальное учебное заведение, перед которым были поставлены задачи готовить специалистов-практиков для работы в странах Востока, а также академических ученых-востоковедов [5, с. 38]. Рабфак ЛИЖВЯ был открыт к началу учебного года 1926/1927, включал в себя восточное и северное отделения и был рассчитан на 100–120 человек [5, с. 108]. На основании постановления Комитета по заведованию Учебными и Учеными Учреждениями ЦИК СССР от 12 мая 1927 Рабфак ЛИЖВЯ был переименован в Северный факультет Ленинградского Восточного Института им. А.С. Енукидзе [6, л. 85] и просуществовал в структуре ЛВИ до преобразования в Институт народов Севера в 1930 г. Северный факультет был предназначен для обучения представителей коренных малочисленных народов Севера на уровне среднего образования с последующим

возвращением их на малую родину. Но позже туда стали принимать представителей восточных национальностей, напр. абхазов и курдов [7, л. 1–3].

В Советском Союзе 1930-х гг. под национальной консолидацией и слиянием народов подразумевалась ассимиляция, поощряемая режимом [8, с. 244]. Но СССР, особенно на ранних этапах своего существования не был действительно унитарным государством, и союзные республики получили целый ряд полномочий, многие из которых выражались в специфических формах и остаются практически «непризнанными» именно в силу своей специфичности. Например, союзные республики изначально предполагалось наделить учреждениями для проведения внешней политики – и, хотя затем это начинание свелось к минимуму скорее номинальных атрибутов, но есть основания полагать, что по меньшей мере некоторые элементы внешнеполитического мышления у руководства республик были и они воплощались в некое подобие политического курса, направленного на достижение соответствующих задач – порой не связанных с общесоюзной политикой. Ярким примером является интерес Азербайджанской ССР к присоединению Южного т.е. Иранского Азербайджана. Руководитель Советского Азербайджана в 1940-е гг., Мир-Джафар Багиров сыграл ключевую и весьма активную роль в оказании поддержки в организации на территории Ирана азербайджанской автономии.

Другим примером такого своеобразного квази-внешнеполитического мышления со стороны властей союзных республик был вопрос о советских курдах и их составе. Отношение к нему со стороны центральных учреждений и союзного руководства с одной стороны и властей Советской Армении четко отличалось. Армянская ССР претендовала на курдов, вероятно имея в виду получения выхода к Карабаху через Курдистанский уезд. Эта административная единица была сформирована в рамках реализации политики поддержки национальных меньшинств через предоставление национально-территориальной автономии на разных уровнях. Включение этой территории в состав той или иной республики позволяло по-разному ставить вопрос о Карабахе.

Согласно статистическим данным численность курдов, проживавших в Советских Закавказье (с учетом Карской области до 1917 г.) и Туркмении в XIX – первой XX вв. составляла 99 949 чел. в 1897 г., 69 184 чел. при переписи 1926 г. и 45 877 чел. при переписи 1939 г. [9; 10; 11]:

	Регион	Муж- чины	Жен- щины	Всего
Перепись 1897 г.	Кавказ:	52 924:	46 912:	99 836
	<i>Эриванская г.</i>	<i>26 239</i>	<i>23 150</i>	
Всего курдов 99 949	<i>Карская о.</i>	<i>22 632</i>	<i>20 336</i>	
	<i>Елисаветпольская г.</i>	<i>1 663</i>	<i>1 379</i>	
	<i>Тифлисская г.</i>	<i>1 400</i>	<i>1 138</i>	

	<i>Кутаисская г.</i>	935	889	
	Средняя Азия: <i>Туркмения</i>	87	25	112
Перепись 1926	ЗСФСР: <i>Азербайджанская ССР</i>			66 692: 41 216
Всего курдов 69 184	<i>Армянская ССР</i>	7 646	7 616	15 262
	<i>Грузинская ССР</i>			10 217
	Средняя Азия: <i>Туркменская ССР</i>			2 308
Перепись 1939	Закавказье: <i>Армянская ССР</i>			20 481
Всего курдов 45 877	<i>Грузинская ССР</i>			12 915
	<i>Азербайджанская ССР</i>			6 005
	Средняя Азия: <i>Казахская ССР</i>			2 383
	<i>Туркменская ССР</i>			1 954
	<i>Киргизская ССР</i>			1 490
	<i>Узбекская ССР</i>			156

Национальные меньшинства в СССР зачастую закреплялись за той или иной республикой, в рамках которой они и получали институты современной культуры и элементы собственной администрации. Например, евреи были отданы во многом в ведение БССР, уйгуры – Казахской ССР и т.д. Если соответствующая этническая группа проживала также за рубежом СССР, это означало, что на данную союзную республику возлагалась и некая миссия по поддержанию контактов с представителями данной национальности за рубежом. Курды Закавказья традиционно образовывали две группы: курды – мусульмане и езиды, исповедующие оригинальную религию и которых в зависимости от политических предпочтений. М. Лезенберг говорит о наметившемся уже в 1930-е гг. в Советской Армении стремлении властей провести разделительную черту между курдами-суннитами и езидами [12, р. 94], которой союзный центр ей особо не препятствовал, а потому в данном контексте неудивительно, что многие кавказские езиды заявляют о своей принадлежности к отдельному этносу.

В 1920–1930 гг. Азербайджан и Армения занимали лидирующее положение по количеству проживающих в республиках курдов, а потому могли принимать самостоятельные решения, в том числе и относительно необходимости культурного строительства среди курдов. Армения претендовала на роль главного курдоведческого центра [13, с. 108], как минимум по причине активного участия в разработке нового курдского алфавита и внедрению в массовое производство учебников на его основе, осуществляя тем самым экспансию внутри

СССР. У Армении были наработана стандартизация курдского языка для институциональной привязки курдских культурных и политических проектов к армянской государственности.

Так как именно Ленинград являлся преемником Петербурга в вопросах дореволюционной востоковедной и этнографической школ, то именно там были первые учебные заведения, в которых обучались курды, чтобы, вернувшись на родину в Закавказье или Туркмению, стать педагогами в национальных школах и работниками в рамках партийной, советской и кооперативной работе. Помимо Рабфака ЛВИ, который был реорганизован в Институт народов Севера и Курсы Национальных Меньшинств Советского Востока (КНСВ), функционирующие в 1932–1936 гг., и куда после расформирования Рабфака были направлены на обучение остальные курды с окраин СССР, наиболее отличившиеся в учебе на Рабфаке курды были зачислены в Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), образованный в 1930 г. на базе выделенного из состава Ленинградского университета Историко-лингвистического факультета. В ЛИФЛИ, как сообщал справочник Наркомпроса, были *«впервые организованы циклы по не так давно еще бесписьменным языкам»*, в числе которых оказался и курдский [14].

Тем не менее в Закавказье существовал свой формат учебных заведений – техникумы, призванный решить кадровый вопрос на республиканском уровне. Курды Армении и Нахичеван получали образование в Ереване, где в 1931 г. был открыт Курдский педагогический техникум, а курды Азербайджана получали образование на курдском отделении педагогического техникума в Шуше [15, с. 121].

Библиографический список

1. Андреев Д.А. Пролетаризация высшей школы: “Новый студент” как инструмент образовательной политики // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / ред. А.Н. Дмитриев. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 494–522.

2. «Декларация о единой трудовой школе». URL: <https://www.prlib.ru/history/619635> (accessed 20.02.2023).

3. Фурсова В.В., Ханнанова Д.Х. Социальная политика и российское образование в 20–30 гг. XX в. // Россия реформирующаяся. 2015. № 13. С. 153–171.

4. XV лет диктатуры пролетариата. Экономико-статистический сборник по гор. Ленинграду и Ленинградской Области. Ленинград, Издание Облисполкома и Ленсовета, 1932.

5. Кононов А.Н., Иориш И.И. Ленинградский восточный институт. Страница истории сов. востоковедения. М.: Наука, 1977. 136 с.

6. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 6951. Оп. 1. Д. 2.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р3316. Оп. 20. Д. 118. Л. 1–3.

8. Кадио Дж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1890–1940. М.: НЛО, 2010. 336 с.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. II. Санкт-Петербург, 1905.
10. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1927–1929.
11. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР. Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php (accessed 20.02.2023).
12. Leezenberg M. Soviet Kurdology and Kurdish Orientalism. Leezenberg, M. (2011). Soviet Kurdology and Kurdish Orientalism // The Heritage of Soviet Oriental Studies. M. Kemper & S. Conermann. (Eds.) New York: Routledge, 2011. Pp. 86–102.
13. Курды СССР – России: трасса длиною в 100 лет. Документальная история / сост. Н.Ф. Бугай, М.И. Мамаев. М., 2014. 564 с.
14. НАРКОМПРОС РСФСР. Университеты и научные учреждения. Объединенное Научно-Техническое Издательство. Москва-Ленинград. 1935. URL: http://leftinmsu.narod.ru/library_files/books/Universytety_narkompros_files/236.htm (accessed 20.02.2023).
15. Арустамян. Социалистическое строительство в Нагорном Карабахе // Революционный Восток. 1933. № 1 (17). С. 116–122.